

Интервью с Давидом Львовичем КОНСТАНТИНОВСКИМ

«ТАКИЕ ВОТ ДИНАМИЧЕСКИЕ РЯДЫ...»

Константиновский Д. Л. — окончил Политехнический институт в Челябинске, доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН, Москва. Основные области исследования: социология образования, социальная структура, моделирование социальных процессов. Интервью состоялось в 2006 году.

У интервью с Давидом Львовичем Константиновским — долгая история. 4 июля 2001 года беседу с ним провел Геннадий Семенович Батыгин. В силу каких-то причин текст не был сразу опубликован в «Социологическом журнале», а в начале июня 2003 года Батыгина не стало. Журнал возглавил Константиновский, который по понятным причинам воздерживался от публикации своего интервью. В конце лета 2005 года мне стало известно о существовании беседы Батыгина и Константиновского, и я предложил Давиду «нарастить» старый текст его ответами на мои вопросы. Он согласился, наше интервью — проходившее по электронной почте — состоялось в апреле-июле 2006 года. Соответственно, публикуемый текст состоит из двух частей: «События прошлого века» и «События наступившего века».

Социологи старших поколений, прежде всего те, кто занимался проблемами образования и вопросами построения математических моделей социальных процессов, давно знают работы Константиновского; в анализе обоих направлений он — один из пионеров. Необычна конфигурация его жизненной траектории: выпускник челябинского политеха, работавший в «оборонке» и в Институте ядерной физики, журналист и писатель «вдруг» становится социологом. Его результаты признаются коллегами, он много публикует... но на несколько лет был вынужден уйти из социологии, однако затем вернулся и успешно работает.

Константиновский Д. Л.: «Такие вот динамические ряды...»¹

Часть I. События прошлого века

Давид Львович, расскажите, в какой семье вы воспитывались?

Мой отец родом из Варшавы, отсюда – польское звучание моей фамилии. Во всех анкетах я писал, что место рождения отца – Варшава, не видя в этом факте ничего удивительного или предосудительного: отец родился в 1907 году, и Польша в то время была частью Российской империи. Однако все начальники первых отделов, прочитав мою анкету, вздрагивали и начинали пристально меня изучать. Воспитывался отец в детском доме под Киевом, и семью с его стороны я не знаю. У меня хранится справка: «Дано сие в том, что сирота Лева Константиновский действительно находился на иждивении детского приюта...».

Кем был ваш отец?

Это интересная история... Когда отец подросток, он поехал на Урал. Там, работая токарем на заводе, он начал писать. Был сотрудником сначала одной комсомольской газеты, затем другой, вырос до ответственного секретаря, а впоследствии редактора уральской комсомольской газеты. Потом работал в Москве, в «Комсомольской правде». В июле 1937 года, когда всю «Комсомольскую правду» в одночасье арестовали, он и еще несколько человек чудом уцелели. Отец в это время был в командировке на «Магнитострое». Его вызвали, и когда он приехал, аресты уже закончились. Помещения редакции оказались опечатанными, и лишь в коридоре сидел один человек. Этот человек, сотрудник редакции, был замечательный. «Ты что тут делаешь? – сказал он отцу. – Чтобы к вечеру тебя в Москве не было». Более того, он дал ему такую бумагу (я потом нашел ее, когда отца не стало), что якобы редколлегия «Комсомольской правды» не возражает против его увольнения. Одним словом, он отца официально отпустил. Отец снова уехал на Урал, в Челябинск. Там я и родился.

Постепенно отец снова начал работать в газете, и впоследствии, уже через много лет, он стал заместителем редактора областной газеты, а затем и редактором. Это было беспокойное время, и за него крупно «брались» и в 47-ом, и в 49-ом, и в 52-ом, но, в общем, как-то везло. Все это я знаю, надо сказать, не от него. Для отца все, что началось в 30-х годах, а может, и раньше, было настолько большой травмой, что он никогда об этом не говорил – вообще никогда, абсолютно. Он, видимо, был из тех, кто искренне верил и потом понял, что он и другие – обмануты. Эти обстоятельства его биографии я знаю от его друзей, которые тоже по разным чудесным обстоятельствам уцелели: кто-то был в командировке, кто-то попал в Норильск, где директор комбината помог выжить – разные были ситуации. Эти люди меня находили и рассказывали об отце. А для него это было такое потрясение, что он никогда об этом не говорил.

Отец оказал на меня очень большое влияние. Да и не только на меня. Я видел, как разные люди приходили к нему за советами, а потом, когда я вырос, люди много старше меня рассказывали, что по его советам жили.

Со стороны мамы была интересная история. Бабушка была из местечка в Белоруссии, известного тем, что Наполеон при отступлении жег там свои знамена. Дедушка, который происходил из очень бедной семьи, выучился сам. Он сумел заработать какие-то деньги и поехал в Томск, где только что открылся Томский университет и куда евреев брали без процентной нормы, то есть там не существовало

1 Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.

ограничения на прием еврейских детей. Дедушка выучился на врача. Он участвовал в русско-японской войне, долго был в Манчжурии... Бабушка к нему, естественно, ездила и, видимо, подзадержалась. По дороге от него, на станции Тайга, она родила маму. Потом опять села на поезд, проехала еще немного, и, доехав до Челябинска, решила, что хватит. Сошла с поезда, продала кольца, купила дом и осталась жить с мамой в Челябинске. Потом началась Первая мировая война. Дедушку перевели в Николаев, где была военно-морская база. Он погиб на этой войне. А бабушка осталась в Челябинске и работала зубным врачом в монастыре. Вот такая история семьи...

Как вы учились в школе? Были ли вы отличником?

Учился я, прямо скажем, с пятого на десятое. Все мне было как-то неинтересно... Нет, поначалу я учился хорошо, а потом — шаляй-валяй, и так было до девятого класса. В девятом классе я понял, что родители жутко переживают. Отца как-то вызвали в школу, и я случайно увидел, как он шел туда, с каким лицом (отец мне ничего не сказал — все переваривал в себе). И тут во мне совесть, что ли, заговорила... Я пошел, взял все учебники, начиная с пятого класса, и быстренько, месяца за два их прочел. Обнаружил, что все, о чем говорилось так мудрено, на самом деле очень легко и просто. Это случилось где-то во второй четверти, а в третьей четверти я был уже круглый отличник, к великой радости всего класса.

Почему же к радости? В школе отличников обычно не любят...

Конечно! И в нашем классе отличников не любили, их, естественно, всегда колотили... Но тем, что я стал отличником, мы как бы «тем отличникам» доказали...

И мы, мол, можем...

Да, именно так. Эта история вообще была каким-то переломным моментом. Я до этого времени не занимался никаким спортом, а тут пошел в какие-то секции, получил разряд по конькам, по лыжам. И окончил школу я даже с серебряной медалью. Золотую я уже не мог получить, потому что были старые грехи. Но и серебряная всей «камчатке» в классе доставила большое удовольствие.

Сложилась ли у вас установка на продолжение образования — гуманитарного, а не технического?

Именно на гуманитарное образование. Учителя меня очень в этом поддерживали. Должен вам сказать, что я с детства был совершенно «заражен» газетой, журналистским делом, книгами. Работа отца мне нравилась больше всего. Я был счастлив, когда мог зайти за ним на работу. Он читал полосу, а я смотрел, как делается макет. Вся эта техника, это ремесло притягивали меня...

Запах типографской краски...

Да, и запах краски... Иногда отец проводил такие эксперименты: «Ну, ладно, все равно от тебя не отделаешься! Давай — вот на этой полосе есть две ошибки. Тебе даются три минуты». Привычным, натренированным взглядом ошибки быстро находят. Все это мне очень-очень нравилось; я просто благоговел перед редакцией, перед отцом, его друзьями.

А в какой университет поступили?

С университетом была такая история... Естественно, я хотел идти на журналистику, но отец был категорически против, поскольку знал, что это такое. Но мое желание было настолько сильно, что он не стал препятствовать. Я приехал в Москву и пошел на собеседование в МГУ на факультет журналистики. Человек,

проводивший собеседование, сразу задал мне вопрос: «Расскажите основное содержание труда Иосифа Виссарионовича Сталина о языкознании». Я встал и ушел. Честно вам скажу, я не был никаким идейным диссидентом! Но просто такие вещи в моем сознании не укладывались, понимаете... Я понял, что мне здесь делать нечего.

Вообще-то сталинские работы о языкознании грамотные.

Да, это действительно интересные вещи, и я их потом смотрел, уже в зрелом возрасте. Но тогда все это было окружено такой помпой, в таком было, что ли, контексте... Кроме этого, в памяти была еще история с моей теткой... Она работала в институте генетики, в Ленинграде, и когда его разгромили, Сталин тогда круто с генетиками разобрался, была вынуждена уехать в Красноярск, по пути останавливалась у нас... Какое-то понимание от всего этого у меня осталось...

Итак, вы не поступили в МГУ?

Я просто ушел и все.

Не получив даже двух баллов?

Нет, никакого собеседования вообще не было, я просто встал и ушел. И уехал обратно.

Что было потом?

Я стал учиться в Челябинске в Политехническом институте. Тогда все вокруг были инженерами...

Это был танковый институт?

Можно так сказать... Кроме того, это был год, когда наше Министерство обороны спохватилось: в мире уже появились новые системы синхронизации орудий и прочие хитроумные вещи, а у нас ничего подобного еще не было. Срочно создали специальный факультет, всего из двух групп, туда я и пошел. Компания подобралась очень хорошая: собрали способных ребят, из Ленинграда и других центров приехали хорошие преподаватели. Они очень старались сделать из нас специалистов, эти пришлые преподаватели. Во всей этой истории с моим образованием отец занял очень мудрую позицию. Он сказал: «Давай так: получи какую-нибудь нормальную специальность, а потом делай, что хочешь». Надо сказать, кадры он подбирал своеобразно: например, очень неохотно брал на работу выпускников факультета журналистики.

Не брал на работу журналистов?

Если брал, то только каких-то уж очень способных. Я всех этих людей узнал потом. А однажды отец (это было, кажется, на Магнитке) увел замначальника цеха. Отец сказал ему: «Вы очень хорошо рассказываете — попробуйте, напишите». Тот написал один раз, другой... И потом отец окончательно его переманил, и тот стал классным журналистом.

Замначальника цеха?

Да. Настоящий технарь из технарей, который никогда ни о какой журналистской работе думать не думал... Отец вообще старался брать профильных специалистов, — таких, которые бы не только могли писать, но еще знали бы дело, о котором пишут. Итак, я получал «нормальную специальность», не загадывая о будущем, и одновременно начал работать в институтской многотиражке. Именно работать, всерьез, у меня даже справка есть о зачислении на работу. Работал я с замечательным человеком, Сергеем Владимировичем Тулинским. И начал писать. Это были очерки, рассказы. Их печатали

в газетах, журналах. Отец старался меня попридержать: подожди, говорил, не торопись, вот это у тебя еще плохо, это ты еще узнаешь...

Вы писали прозу?

И прозу, и стихи. Со стихами связана смешная история. Была одна девушка, она пела в кинотеатре... вы, может быть, помните, были в кинотеатрах такие артисты...

Конечно, еще бы.

Так вот, была совершенно потрясающая девушка (да она и сейчас такая), была прекрасная мелодия, и срочно нужны были слова. Я написал для нее за одну ночь эти слова, а потом появился композитор и попросил написать еще, а потом я уже начал подрабатывать и получать за это деньги. Когда с деньгами было туго, наша компания жила за счет этих подработок. Я, может быть, первый, кто написал слова для песни про космонавта, вернее, это была песня жены космонавта. Но композитор сказал: да вы что, это научная фантастика. И не стал писать музыку. А немного погодя — Гагарин полетел.

После института вы, судя по всему, пошли в журналистику?

Нет. Мне предлагали остаться в политехническом, но я был полон романтики, и всей нашей компанией мы решили, что надо ехать. Куда? Конечно же, в Сибирь. Было направление в Новосибирск, туда мы и уехали. Это было в 1959 году.

В Академгородок?

Там начинались первые стройки. Но мы-то поехали, естественно, в «почтовый ящик». Был такой период «почтовых ящиков»: интересные люди, интересная тематика. Все как-то очень хорошо ко мне относились, старались что-то передать, чему-то научить. Мой начальник таскал меня по стране, по разным заводам и все время что-то объяснял и чему-то учил. Это было замечательно. Мне повезло еще в том, что, когда возникала какая-нибудь совершенно нестандартная задача, ее давали именно нам. Для этого и держали наше подразделение и при нас целый цех. Если не было такой задачи, то было просто сплошное безделье. Потом появлялась такая задача, «спускалась» нам, и мы ее срочно решали. Это было очень здорово, и я был очень увлечен.

И платили хорошо?

Особенно за каждую такую задачку. Все было замечательно, но, как ни удивительно, постепенно все начали сбегать в Академгородок, в Институт ядерной физики. Он в городке был самый «продвинутый». Сбежал и я, начал работать там у Г.И. Будкера [1]. Непосредственным начальником моим был А.А. Наумов [2]. Впоследствии он работал в Институте физики высоких энергий, в Протвино, был замом А.А. Логунова [3]. (А кроме того, лет через двадцать он стал моим тестем.) Мы делали ускоритель на встречных пучках.

Это было нелегко?

Да, особенно поначалу. Трудно было включиться: там были другие задачи и очень высокий класс работы. Потом более или менее освоился.

Вы были научным сотрудником или инженером?

Научными сотрудниками у нас были только теоретики. Мы занимались сооружением этой машины. Конечно, мы не строгаи и не паяли — мы ее настраивали, испытывали... У Будкера возникала идея, а технического уровня, на котором эту идею можно было бы воплотить, никто толком себе не представлял. И каждый раз казалось

— ну все, ничего не получится. И всегда находилось какое-то решение... Это было очень интересно, просто здорово. Но постепенно, по мере того как я включался в работу, я начал осознавать, что у меня не остается времени на то, чтобы делать что-то еще. По этому поводу у меня были жесткие разговоры с Наумовым. Я говорил ему: «Алексей Александрович, рабочий день начинается в девять, реально мы включаемся в двенадцать — час дня. Давайте, я буду приходить в одиннадцать-двенадцать, а с утра что-нибудь напишу, прочитаю». На это он мне отвечал: «Понимаете, вы приходите в девять, поэтому мы включаемся в двенадцать. Если вы будете приходить в двенадцать, то включаться мы будем в три».

Видно, вы принимали решения спонтанно и быстро?

Моя траектория в жизни отчасти связана с альпинизмом. Спонтанности там немного, но решения надо принимать быстро. Я занимался альпинизмом и даже имел звание инструктора. Однажды случилось так, что у нас начальником спасательной службы стал выдающийся человек, который руководил крупнейшими стройками Советского Союза по академической линии — А.В. Блещунов [4]. Он прислал мне телеграмму, чтобы я находился в Новосибирске на вокзале на таком-то пути, во столько-то часов. Прихожу, а там стоит отцепленный вагон. Стучу в дверь, мне открывает солдат с винтовкой. Оказывается, это и есть нужный вагон. Тут же подходит еще какой-то молодой человек, которого я в первый раз вижу, а Блещунов на минутку выходит к нам в тамбур и говорит: «Значит так, ребята. У меня времени нет, у меня совещание идет. Вы дружите». И ушел. И действительно, оказалось, что мы с этим незнакомцем нашли друг друга. И Блещунов меня убедил, что надо переезжать в Академгородок. Убедил, надо значит надо. В общем, я начал работать в Институте ядерной физики. А потом стал рваться на части. В конце концов понял, что надо из Института ядерной физики уходить. Это было очень тяжело, и все мне говорили, что я большой дурак, если бросаю такое дело...

И тут, это было в 1968 году, появился Шубкин...

Вы уже слышали о социологии?

Кое-что знал, читал, интересовался, но ни одного живого социолога не видел... Познакомившись с Владимиром Николаевичем [5], я загорелся. Он очень здорово рассказывал о том, что делает. Я понял — не в обиду физикам будь сказано, — что частица — это, конечно, здорово, но это неживая природа. А здесь — люди, человеческие судьбы, соотношение между тем, что человек задумывает и тем, что получает в жизни... Мало что есть более интересное на свете.

Как вы познакомились с Шубкиным?

Опять же случайно. В Академгородке все время собирались какие-то компании, на одном из этих сборищ мы и встретились. К тому времени, когда я встретился с Шубкиным, я уже вовсю флиртовал с газетами, печатался в «Литературке», ездил от ЛГ в качестве корреспондента, работал в многотиражке Академгородка. В общем, гуманитарный «разврат» уже начался.

Получается, вы были физиком-лириком?

Эта дискуссия была придумана как раз для физиков, которые интересовались лирикой. Дискуссию затеял Игорь Андреевич Полетаев [6] вместе с Ильей Эренбургом. Я был знаком с Полетаевым. Думаю, что он не преувеличивал, когда говорил, что все произошло случайно: просто под настроение он написал письмо в газету, которое было подхвачено комсомольской печатью. Это было вполне в духе времени, и та дискуссия прищлась очень кстати. Конечно, сейчас она кажется наивной. Тогда и «Литературка»

все время затевала разные дискуссии. И я, признаться, причастен... Как-то я водил группу новосибирцев на зимнее восхождение на Тянь-Шань. Группа была маленькая — четыре или пять человек. Мы работали, а потом устроили себе день отдыха: спустились покататься на лыжах в Чимбулак. Это курорт с горнолыжной трассой, под катком Медео, недалеко от Алма-Аты. Место замечательное, просто сказка: реликтовый лес, горы... День был воскресный, солнечный, и народу на трассе было очень много. И вдруг этот заповедный лес загорелся. Это было ужасно. Самый настоящий пожар... Мы, новосибирцы, тут же ринулись тушить лес. Потом, спустя какое-то время, приехали пожарники. Мы к тому времени были все черные. Когда мы стали приходить в себя, то обратили внимание, что никто, кроме нас, не отреагировал на пожар. Все просто продолжали кататься. Я написал об этом очерк для газеты — уверяю вас, без всякого морализаторства, я никого не клеймил, просто пытался понять, почему люди так себя вели. Я действительно был озадачен. Когда мы вернулись на трассу, все отнеслись к нам с сочувствием, спрашивали, что это с нами случилось, отчего мы такие черные, да зачем нам это было надо. В «Литературке» по этому поводу разгорелась большая дискуссия, которая длилась около полугода. В ней участвовали публицисты, психологи. Пытались понять, объяснить этот случай.

Потом вы встречались с человеком, который убедил вас перебраться в Академгородок?

Да, Блещунов продолжал принимать участие в моей судьбе и дал мне очень много. Однажды он позвонил мне в Новосибирск из Москвы и предложил срочно приехать. Конечно, я тут же вылетел. А он, должен вам сказать, дружил, что называется, с кем не надо, например, с родственниками Цветаевой, а это тогда не поощрялось, собирал материалы о ней и многое другое подобное делал, чего фигуре его ранга не положено было в те времена, ну и получал за это соответствующие замечания. В конце концов ему сказали: выбирайте, или-или. И вот я прилетаю, прихожу в его квартиру — номер в гостинице «Москва». Он меня усаживает рядом, вырывает листок из тетрадки и пишет заявление: «Прошу освободить меня от должности...». Через десять минут он поехал отвозить заявление, а я — был свободен, мог улететь обратно. Вот такой он дал мне воспитательный урок. Он стал после этого рядовым инженером, жил с матерью в коммуналке. Но еще много замечательного сделал. Создал первый негосударственный музей. Молодежь его боготворила.

Как дальше складывалась ваша литературная судьба?

«Литературка» развивалась, выросла до двухтетрадной газеты (вначале она выходила в одну тетрадку). Туда пришел Александр Иванович Смирнов-Черкезов, человек крутой, он и делал самую интересную тетрадку, где печатались материалы, что называется, общественного звучания. Произошла «революция», полный переворот, в редакцию пришли новые люди. Отношения у нас со Смирновым-Черкезовым поначалу не сложились, потому что я был человек из старой «Литературки». А потом он прочел — как рецензент — рукопись моего романа, написал замечательную рецензию, в том духе, что вот приятно удивлен и переменяет свое мнение обо мне, в общем, мы с ним крепко подружились.

О каком романе идет речь?

Роман называется «...Следовательно, существую». Он с большим трудом вышел в середине 70-х, в Москве, в «Советском писателе», а сначала был опубликован в журнале «Сибирские огни». Были прекрасные внутренние рецензии, в частности, А. Бека [7], но роман не печатали. А за границей он уже должен был выйти. Тогда мой замечательный редактор, Ольга Маркова, пошла к начальству и сказала: «Вы что, хотите, чтобы еще одна история произошла, как с “Доктором Живаго”»?». И получилось: меня включили

в план изданий.

Тогда вы и стали членом Союза писателей?

Нет, это произошло еще в 64-м году. Меня как-то быстро приняли в Союз, хотя история была непростая: с одной стороны, многие клеймили меня как прозападного писателя, но нашлись и достаточно авторитетные люди, которые меня защищали. В конечном счете, приняли.

Надо сказать, вам повезло с редактором.

Редактор — очень важная фигура, и везенье здесь действительно важно. У меня были Елена Рубеновна Расстегняева в Новосибирске, Марина Владимировна Иванова, выпускница легендарного ИФЛИ, в «Советском писателе», Инна Андреевна Сергеева в журнале «Дружба народов», они очень много для меня значили. И не только для меня! Да и с критиками везло, независимо от того, хулили они меня или хвалили. Расскажу совершенно замечательную историю. Попал мой роман в рукописи на рецензию к Вере Васильевне Смирновой, критику старшего поколения, ее слово считалось непререкаемым. Получаю копию рецензии. Она начинается так: «Я читала этот роман, переходя от недоумения к возмущению...». И так далее. Ну, значит, все, судьба рукописи решена. Лидин спрашивает, как дела. Я ему рассказываю спокойно, дело-то решенное. А он вдруг говорит: «Вы должны быть джентльменом до конца. Вам нужно позвонить ей и поблагодарить за рецензию». Представляете? Я — тридцатилетний, с сомнением технаря из Академгородка, отвергнутый автор, — и буду звонить и благодарить? В тогдaшнее мое сознание это не помещалось. Лидин [8] убеждал меня: «Представляете, она будет думать, что вы обижены!». Я не звонил, Лидин напоминал. В конце концов, Лидин взял с меня слово, и я, из уважения к нему, позвонил Смирновой. Едва я представился, он воскликнула: «А, это человек, который написал тот чудовищный роман! Я должна вас видеть. Пожалуйста, приезжайте ко мне, я больна». Я отнекивался, потом поехал в Переделкино. Я сказал ей, что не собираюсь выполнять ее требования к роману, и чистосердечно и прямо объяснил, почему. «А что вы думаете дальше делать с романом?». Я рассказал, как собираюсь дальше работать над рукописью (то был первый вариант). Мы разговорились. Она стала рассказывать о своей дружбе с Андреем Белым, о путешествии Маршака в Палестину, я очень много узнал такого, чего бы никогда не узнал. Расспрашивала меня о нашей академгородковской жизни, — конечно, она у себя на даче в Переделкино была в другой реальности. На прощанье Вера Васильевна сказала: «Когда сделаете новый вариант, пришлите мне». Следующая рецензия была с рекомендацией опубликовать.

Кто из писателей входил в круг вашего общения?

Меня постоянно поддерживал Алексей Иванович Кондратович, он был заместителем Твардовского в «Новом мире», а потом был «сослан» главным в «Советскую литературу на иностранных языках». С.П. Залыгин [9] очень поддерживал меня некоторое время. Сверстники помогали, когда бывало трудно. Особо я признателен замечательному прозаику Владимиру Германовичу Лидину. Он очень много для меня сделал. Лидин был человек старой закалки, работал военным корреспондентом еще в Первую мировую войну. Я однажды у него сидел, когда, я уже не помню кто, говорил ему: «Ну как же, вы же сидели у Родзянки, когда я вбежал...». Он был изысканный прозаик, очень известный в то время. Познакомился я с ним случайно. Проходило совещание молодых писателей, на котором меня, как обычно, клеймили, а Лидин, как и положено классику, сидел и дремал. Потом все стали преподносить ему свои публикации, а у меня ничего при себе и не было. Когда я проходил мимо него, он посмотрел на меня и говорит: «У вас есть что-нибудь с собой? Дайте почитать».

Я отвечаю, что ничего из того, что напечатано, у меня здесь нет, но есть два рассказа рукописных, которые я таскаю с собой, понимая, что чего-то в них не хватает, а чего именно, понять не могу. Он говорит: «Давайте». Взял эти листки и ушел. На следующий день все мы, и консультанты, которые меня громили, сидим и ждем Лидина, а его нет и нет. Потом дверь приоткрывается, он заглядывает и пальцем подзывает меня. Выхожу. Мы садимся в коридоре на подоконник, он достает эти листочки и говорит: «Вы знаете, если вы разрешите, я тут дописал два слова, тут одну фразу, вот теперь получается». И действительно, рассказы получились! Это – мастер... Он сказал мне много приятного, и потом, когда мы с ним вошли в аудиторию, он все повторил вслух. Такой был человек. У меня сохранилось яркое воспоминание о Сергее Антонове [10]. Помните, был такой замечательный рассказчик? Как-то на очередном собрании из меня сделали котлету, причем очень нечестным путем: брали вырванные из контекста куски, зачитывали их и говорили с трибуны: «Вы можете что-нибудь понять?». А он встал, произнес пламенную речь, потом подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Спасибо за рассказ». Это был поступок с его стороны и очень сильная поддержка.

Отец поддерживал вас?

Он был очень суровым моим критиком. Он ведь признавал только по-настоящему профессиональное. И еще он боялся, что я себя подставляю. Я всегда знал, что у меня есть его моральная поддержка, что он за меня очень сильно переживает. Но и только. Мои первые рассказы в толстом журнале проходили долго, с большим трудом. А когда, наконец, было решено их печатать и меня пригласили на аудиенцию к главному редактору, тот в заключение разговора спросил: «Послушайте, а вы не сын Левки Константиновского?». Так отца звали в его журналистской молодости. «Да? – удивился главный. – А что же он не позвонил, вас тут столько мучили...».

А в социологию вы попали лишь благодаря случайности? Получается, что Шубкин сбил вас с верного пути?

Нет, конечно, наша встреча произошла не на пустом месте. Я что-то читал, интересовался, более того, пользовался социологическими материалами. Но до встречи с Шубкиным у меня не было ко всему этому эмоционального отношения. Было просто интересно. Встреча с Шубкиным придала этому интересу эмоциональную окраску. Я почувствовал, что это живой, дышащий материал: «...здесь дышат почва и судьба». У Шубкина был сектор в Институте экономики у А.Г. Аганбегяна [11]. Он предложил мне: «Походите к нам, может, вам понравится». Я стал захаживать в институт и наконец совсем перешел туда. А потом Шубкину предложили организовать отдел в Институте истории, филологии и философии у А.П. Окладникова [12].

Как все начиналось? Это был, кажется, 1969 год, может быть, Первое мая. Мы стояли с Шубкиным на солнышке, и я ему сказал: «Знаете, у вас же на самом деле получаются динамические ряды. Почему вы их не считаете? Я попробовал – получается очень интересно». Я нарисовал картинку, и это заинтересовало Шубкина. Он предложил мне написать статью, и с этого началось. Потом Шубкин опробовал меня на социологическом семинаре Сибирского отделения Советской социологической ассоциации и начал выпускать на публику. Я стал задумываться об аспирантуре: смотрю, все поступают, почему бы и мне не попробовать? Написал заявление, пошел к Шубкину. А Шубкин и говорит: «Вы что, Давид, с ума сошли! Я осенью в Москву уезжаю (дело было в начале лета) и на вас оставляю хозяйство. Вы должны быстро защититься, какая тут может быть аспирантура? Вот вам ключ от моей квартиры. Я уезжаю в отпуск, пожалуйста, к моему возвращению напишите диссертацию». Я сел у Шубкина, как сейчас помню, с коробкой сигар, которую мне прислали с Кубы, и к приезду Шубкина написал первый вариант диссертации. Шубкин посмотрел: «Ну

что, нормально...» Потом, конечно, я все это перерабатывал, сделал второй вариант. Надо сказать, у нас был очень хороший коллектив, очень симпатичные люди, они мне сильно помогали...

А кто тогда работал с Шубкиным?

Кочетов, Женя Гражданников, Аня Ашкинази... Она жила в Москве и в Новосибирске формально не работала, но принимала активное участие в исследованиях. Вообще-то вначале я не хотел защищаться. Хотел написать работу, потому что это было интересно, а защищаться? — казалось лишним делом. Конечно, меня убеждали, даже секретарь райкома проводил со мной беседу: лейтенантские звездочки, по крайней мере, надо иметь. Защищался я в Москве, в Институте конкретных социальных исследований, в январе 1970 года.

Забыл спросить: вы были членом партии?

Я вступил в партию в Институте истории, Шубкин давал мне рекомендацию.

Тогда в Новосибирске это, наверно, было не очень трудно?

В Академии наук в партию легко не вступали. Я вовсе не хотел вступать в КПСС. Нет, я не был диссидентом, но мне казалось, что мне это совершенно не нужно. Меня, однако, убедили в том, что нужно. Убеждения были такого рода: чем больше нас там будет, тем больше полезного мы сделаем, в смысле — сможем изменить к лучшему. Да, именно так. На меня это произвело впечатление, и я согласился. Ни на какие блага и преимущества я не рассчитывал, их у меня и не появилось. Единственно, чего я боялся, это всякого рода «чистилищ», через которые надо проходить. Меня успокоили, что все будет сделано чисто формально.

Давид Львович, как формулировалась тема вашей диссертации?

«Вопросы социального прогнозирования в области образования: опыт построения математико-статистических моделей». На материале динамических рядов, которые получились у Шубкина, были сделаны математико-статистические модели, и на их основе можно было предсказывать личные планы и шансы на реализацию этих планов для разных групп выпускников школ. Это была работа по анализу дифференциации личных возможностей — та проблема, которая меня первоначально захватила и за которую я взялся.

Кто оппонировал вам на защите?

Первым оппонентом был В.А. Ядов [13], вторым — Г.А. Слесарев [14]. Ядов, правда, заболел, свалился в гриппе и передал с «Красной стрелой» свой отзыв. Тогда Шубкин мобилизовал В.Г. Подмаркова [15]. Вся защита проходила под публичные комментарии В.Э. Шляпентоха [16], который сел, конечно, в первом ряду и громко подавал реплики типа: «Слишком четко говорит, будет много вопросов». Это был еще ученый совет при вице-президенте А.М. Румянцеве [17]. Все прошло нормально, хотя и не абсолютно гладко. Маститые философы, которые были в совете, начали возмущаться по поводу того, как изменялась динамика. «Ну как же, — стали они возражать, — у нас ведь плановое хозяйство, все идет в соответствии с научно-техническим прогрессом, с потребностями в кадрах...». Пришлось пояснять, что, кроме философии, есть еще и статистика. Потом по материалам этой работы мы с Шубкиным написали статью в «Вопросы философии» [18]. Статью опубликовали, наверно, благодаря Шубкину.

С этой статьей связана интересная история. «Послушайте, — говорил мне редактор, — у вас ведь нет ни одной ссылки на Маркса». — «А что, надо?». — «Да, надо». — «А если я не сделаю, что будет?». Он подумал и говорит: «Да ничего не будет». И

оставили без ссылок.

Как дальше складывалась ваша работа?

Шубкин уехал в Москву, в ИКСИ, а я стал завсектором в Институте истории, конечно, сначала и.о. Это было в конце 1969 года. В январе 1970-го, когда я защищался, Шубкин уже работал в Москве. Я тогда много времени проводил в Москве, треть года, по крайней мере. С командировками проблем не было, ездили постоянно...

А кто оставался у в секторе?

Гражданников, Валя Ковалева, Магна Траскунова. Кочетов к этому времени уехал из Академгородка. Это был соавтор Шубкина в его первых работах. Так или иначе, мы продолжили изучать динамические ряды, и, кроме того, пошли по сибирским регионам. Этому соответствовал профиль Института, который, как предполагалось, должен был охватывать всю Сибирь до Дальнего Востока. Мы включили в исследование Тюменскую область, Алтай, Бурятию, Туву, Хакасию. Тут Всеволод Костюк очень активно действовал. Шла нормальная работа. Какое-то время все шло замечательно, а потом, в 1977 или 1978 году, начались неприятности. Дело в том, что в издательстве «Наука» вышла, наконец, наша с Шубкиным книга «Молодежь и образование» [19]. Одновременно появилась моя собственная книжка, которая называлась «Динамика профессиональной ориентации молодежи Сибири» [20], сделанная на шубкинском динамическом ряде и материале регионов. Я пытался на количественных показателях проследить генезис выбора профессии, изменения в оценках профессии, жизненных планах школьников от восьмого к выпускному классу. Получилось так, что в один год у меня вышли две книги: одна в «Науке» в Москве, другая в «Науке» в Новосибирске. И одновременно начались неприятности. Может быть, дело было в том, что у заведующего нашим отделом была только одна монография. А может быть, просто возникло отчуждение... Стали происходить мелкие, но досадные эпизоды. Например, надо подавать заявку на вычислительные машины. Мне говорят: не беспокойтесь, все уже давно для вас оформлено, все в порядке. А когда приходит время считать, оказывается, что ничего не оформлено и работать нельзя. Были и более серьезные вещи. Например, у меня отобрали аспирантов. Им просто пригрозили, что, если не перейдут от меня к заву, то плохо будет... Потом получилось, что Шубкин на меня обиделся. Я ему был нужен для проведения какого-то семинара в Польше, а мне сказали, что документы мои потеряны. Шубкин мне не поверил. Он сказал: «Ну, как это документы потеряли... Подумаешь, в Польшу поехать, делов-то...». Такие вот дела начались...

Началась нормальная академическая жизнь...

Да уж, тут я зажил настоящей жизнью. Это было даже интересно, развлекало. Потом стало круче. У меня произошла беда: скончалась жена. Было жуткое время. Тут-то в институте за меня взялись всерьез. Сектор упразднили, потом оказалось, что во всем отделе не хватает стола только для меня. Обстановка была жесткая. Я сидел в библиотеке, один, никто, кроме меня, в библиотеку не ходил. При этом строго фиксировалось, когда я пришел, когда ушел. И тут у меня, к несчастью, вышла еще одна монография, в соавторстве с Траскуновой и Костюком [21]; они были моими сотрудниками. Пошел донос в обком партии, меня стали вызывать и требовать объяснений. Главное обвинение состояло в том, что «он совершенно не работает в Институте». Это при том, что во всем отделе у меня было три монографии, у заведующего отделом — одна, и больше вообще ни у кого таких публикаций не было. Делу был дан ход. Разбирал его секретарь обкома по идеологии, который курировал науку. Примечательно, что он был соавтором статей того человека, который написал донос. Что значит соавтор, одновременно секретарь обкома — понятно. Через какое-то время я заметил, что меня избегают. Идет человек

навстречу и переходит на другую сторону улицы. Очень близко к маминым рассказам о тридцатых годах. Например, чтобы подписать характеристику, приходилось целыми днями гоняться по институту за ученым секретарем, который убежал от меня.

Нелегко пришлось ученому секретарю!

Я понял: надо уходить. Вопрос ставился просто: ты нам чужой, мы тебя не хотим, и всё... Новосибирск, Академгородок — не Москва, где у этой истории мог бы быть какой-то резонанс. Кроме того, мне тогда было не до борьбы. Пока жена была со мной, я мог как-то все это игнорировать. А тут я остался без нее, старшая дочь только окончила школу, а младшая пошла в первый класс. Я вообще не представлял себе жизни без Людмилы; брак у нас был необыкновенный, можно сказать, симбиоз. Поначалу мы жили трудно, а тут как раз началось время, когда мы, по тогдашним понятиям, могли себе позволить практически всё. И вот, как в книжках бывает, в этот момент беда и пришла. Кроме того, мне начали звонить какие-то незнакомые люди, тоже из академической среды, которые находились в сходной ситуации. И эти люди явно стали душевно не совсем здоровы. Это производило тяжелое впечатление. Не то, чтобы это заставило меня сдаться, но я подумал, что побеждать или даже просто противостоять натиску такой ценой — это абсурд. Жуткая ситуация. И я решил: зачем мне эта мелкая возня. В конце концов, я от них не так уж сильно зависел. Зарплата доставалась слишком дорогой ценой. Кроме того, я уже совершенно не имел возможностей работать. Ни провести обследование, ни просто сосредоточиться, не говоря о том, чтобы заниматься расчетами.

Мне помогали, без помощи не знаю, что бы со мной было. Разные люди мне тихо сочувствовали, но это же учреждение, где все жестко просматривается. Был, например, человек, который не только мне сочувствовал, но и всячески старался помочь, — Леонид Васильевич Решетников [22]. Он возглавлял писательскую организацию, сам был хороший фронтовой поэт, лауреат, классик фронтовой поэзии... Так вот, он пытался делать какие-то шаги, чтобы защитить меня, но на него нажимали со всех сторон. Были просто смешные вещи: в Будапеште у меня вышла очередная книжка, а на презентацию вместо меня поехал родственник одного писательского руководителя. В общем, со всех сторон взяли в оборот, и я понял, что в Новосибирске мне делать нечего. В Москве у меня стояла пустая квартира... Это, кстати, в доносе мне тоже ставилось в вину, хотя в Академгородке у многих были в Москве забронированы квартиры. А у меня она стояла совсем пустая где-то года три, даже четыре. Я очень не хотел уезжать. Даже после того, как уволился, я никак не мог оторваться от городка. Тогда многие уезжали. Как-то в очередной раз пришел обедать в Дом ученых, а официантка, которая всегда меня кормила обедом, швырнула мою тарелку на стол и сказала: «Ну, все мои клиенты уже уехали, вы один остались».

Какое-то время я еще пожил в Новосибирске, потом все-таки уехал в Москву. Шубкин предпринимал какие-то шаги, чтобы меня взяли в Институт международного рабочего движения; водил меня даже к какому-то начальству. Но ничем это не кончилось. К счастью, выходили книги, были гонорары. Я читал грошовые лекции в обществе «Знание». Ну, в общем, жил без постоянной работы и продолжалось это достаточно долго. Как член Союза советских писателей, я мог себе это позволить: с точки зрения закона никакого криминала не было. Но, конечно, жить без постоянной работы — это было лихо. Выручали книжки, которые выходили в разных местах...

Почему Шубкин не мог найти вам работу в московском академическом институте?

Не знаю, видимо, не получалось. Потом он сказал: «Давайте подождем». Может быть, за мной что-то тянулось. Трудно сказать. А, может быть, я просто не очень-то был тогда нужен. Не Шубкину, а вообще.

Были, конечно, какие-то контакты, предложения. Может быть, это глупо звучит, но меня ведь привлекала в социологии именно тема, которой я занимался. Эта тематика грела меня. Всем остальным я мог бы заниматься как холодный сапожник. Я ведь интересовался разным и писал на разные социологические сюжеты. Было интересно, я втягивался в эту работу, но – не зажигался. Я надеюсь, что по текстам этого не видно. А когда я пишу по нашим сюжетам, я чувствую воодушевление.

В конце концов я стал читать лекции в «керосинке» – Институте нефти и газа на факультете повышения квалификации, на почасовке. Попал я туда совершенно случайно, благодаря Ольге Захаровой, ныне известной переводчице литературы [23]. Мне дан был номер телефона и сказано: «Позвонишь, спросишь такого-то. Им нужен человек, который бы читал лекции с Вебером». Я на другой же день звоню по этому телефону, спрашиваю этого человека, а мне говорят: у нас такого нет. «А что, ушел, уволился?» – спрашиваю. «Нет, – говорят, – у нас такого никогда и не было». И вдруг девушка, которая отвечает мне, говорит: «А вы, собственно, по какому поводу звоните?». Я отвечаю: мне, мол, сказали, что вам нужен лектор по социологии. Оказалось, они как раз искали такого человека. Такое вот чудесное совпадение. И я начал читать курс социологии. Было очень интересно. На ФПК приезжали люди с северных промыслов, из Сибири. Когда я заканчивал лекцию, они меня обступали и начинали: «А знаете, вот у нас в управлении...». В институте ко мне хорошо относились, но взять на постоянную работу, видимо, не могли, начались всякие проволочки. Я понял, что-то тормозит.

Потом случилось так, что из НИИ культуры позвонили Шубкину и попросили кого-то порекомендовать. Он назвал меня, и несколько месяцев я работал в НИИ культуры. Конечно, это было хорошо, но я почувствовал, что не мое это дело, не могу, и всё.

И сколько продолжалась эта морока?

Года до 1988-го, наверное. Мои приятели старались мне помочь, во что-нибудь втянуть. И втянули наконец в кооператив, который занимался научно-техническими проектами. Нет, это был не комсомольский кооператив. Там не было никаких комсомольцев, никаких кредитов, льгот, даровых помещений – ничего. Это была просто команда инициативных ребят. Все эти центры научно-технического творчества молодежи по сравнению с нами были королями, а мы пробивались сами, как могли. Это были ребята, которые раньше где-то преподавали, чем-нибудь заведовали, работали в НИИ. Народ был у нас непустой. И все начинали с нуля. Это было забавно, это было классно. В частности, мы готовили менеджеров. Я читал лекции, проводил, вместе с другими, деловые игры. Заодно пытались ржавый корабль продать. Организовали совместное предприятие, поставили маркетинг, рекламу, чего там только не было... Это уже был конец 1980-х – начало 1990-х. Потом у нас была колоссальная бизнес-школа, в которой мы готовили брокеров для биржи К.Н. Борового [24] и для других подобных организаций в масштабе всей страны. Лучшие московские преподаватели командами загружались в самолеты вместе с компьютерами и проводили школы одновременно в пяти местах, от Камчатки до Калининграда. Колоссальная деятельность... Потом все пошло на спад, стало превращаться в совсем иное, когда возникло понимание, что учиться-то, в общем-то, не надо. Я не знал, как выйти из этой игры, нужен был только толчок...

И тут позвонил Шубкин. Позвонил и сказал: «Давид, надо бы увидеться». Перед этим мы с ним давно не перезванивались и не виделись. У меня в это время были какие-то сделки, я говорю: «Хорошо, давайте тогда-то». А он: «Нет, давайте поскорей». Вечером еду к нему, у машины дверь не закрывается, я ее к сугробу притулил, поднимаюсь к Шубкину: что случилось? А он говорит, что у него освободилось место и он предлагает это место мне. Я нет, чтобы подумать, какое там... Решение было мгновенным.

Единственное, о чем я спросил: как писать заявление, уже забыл, как это делается.

Шубкин у вас — как бес в «Фаусте»...

Точно. Я написал заявление. Шубкин меня предупредил, что это не окончательное решение, что он должен еще будет пойти к директору. На следующий день он позвонил мне и рассказывает: «Я пришел к Ядову с Вашим заявлением, а он мне говорит: ты что, про Константиновского мне рассказывать будешь? В общем, выходите на работу». Я все бросил и пошел к Шубкину. Состояние у меня было такое, как будто я был в ссылке, и вот наконец вернулся. Знаете, меня когда-то очень интересовали декабристы. Нет, я не мнил себя декабристом, не думайте, я вполне здоров. Так вот. У декабристов в ссылке была очень комфортная жизнь. И у меня в то время жизнь была обустроенная, я мог себе позволить практически все, что хотел. И вот представьте себе декабриста, которому приходит высочайшее соизволение, что он может вернуться в Санкт-Петербург. Да, я знаю, что у меня будет безденежье, будет трудно, но я могу вернуться в свой круг — вот главная ценность. В общем, я был безумно счастлив. Это уже был 1994 год. Я помню, как мы с Шубкиным купили первый компьютер, и я стал выстраивать динамические ряды уже в новом виде.

Опять за свое?

Да, опять за свое. И опять вышел на ту же дифференциацию, те же самые сюжеты. Это было более интересно, потому что теперь можно было сравнивать разные времена.

Но зарплата уже была не та, что раньше?

Зарплата была символическая, да и то, если была. И это было для меня большой трудностью. Да, это было время, когда нельзя было позволить себе заниматься только научной работой. Но бизнесом заниматься тоже было нельзя. Надо быть полностью включенным в исследовательскую работу, иначе ты подставляешь себя и других. Первое время было тяжело. Я же нигде не преподавал поначалу... А потом втянулся в разные виды деятельности. Привык преподавать. Даже прочитал курс по социологии рекламы. Надо сказать, что опыт рекламного дела у меня есть еще по кооперативным временам. Ничего, детям курс вроде нравился.

Я слышал, что вы еще преподавали за границей?

Я дважды был в Париже. Первый раз — в Высшей школе социальных наук, у Алексиса [25] и Владимира Береловичей [26]. И потом в качестве приглашенного профессора в университете «Эколь нормаль супериор» [27], моим деканом был Кристиан Бодло [28]. Это видный исследователь и незаурядный человек. Ему, например, принадлежит (в соавторстве) одна из наиболее известных французских работ по образованию [29]. Он совсем недавно вышел на пенсию, продолжает работать, только что выпустил новую книгу. Еще не могу не упомянуть: недавно он отдал свою почку жене, чем спас ее. Узнал я об этом от нашего общего друга, Лизы Непомящей, которая переводила меня в университете, я французского не знаю. Процедура с почкой была долгая и тяжелая, рассказывает Кристиан о ней с юмором. Эта очаровательная женщина, его жена, кстати, родственница Воронцовых и гордится своей причастностью к Пушкину... Быть в «Эколь нормаль» — это было замечательно. Даниэль Берто [30] мне объяснил, что теперь я достиг самого высшего, чего можно достичь. Берто вообще очень интересный человек. Вы его знаете?

К сожалению, немного знаю...

Понимаю. Он очень интересно откликнулся на то, что я получил за монографию по социологии образования диплом первой степени в Российском обществе

социологов, — написал мне большое послание на русско-английском языке, смысл которого состоял в том, что теперь он видит, что в России не всё сплошная коррупция.

Давид Львович, вы защитили докторскую диссертацию, стали известным социологом, являетесь заместителем директора Института социологии РАН... Вы довольны, как сложилась ваша судьба?

Я в институте, в который всегда мечтал попасть. Занимаюсь любимой тематикой. На нашу работу есть спрос. Дочери одарили внучками и внуками, у меня прекрасная семья, растет сын, который носит имя деда и, поскольку наследует его имя, и подпись свою скопировал с его документов.

Вы знаете, я и мои родные безумно благодарны тем людям, которые вытолкнули меня из Академгородка. Хотя городок мне снится, а когда вокруг хорошая компания или красивый пейзаж, я невольно говорю: «Как в Академгородке». Все смеются, потому что заранее знают, что я именно это скажу. Но судьбе не станешь противостоять, тем более — меняющемуся времени. Иногда кто-нибудь приезжает оттуда и спрашивает: «Слушайте, а если бы вы сейчас встретились с этими людьми, которые вас преследовали, что бы вы сделали?». Да если бы не они, я бы никогда сюда не вырвался. Знаете, именно так и решается проблема теодицеи. О добре и зле можно судить не по самому поступку, а по всей цепи, которую он тянет за собой из прошлого в будущее. И тогда в конце концов кажущийся злодей оказывается благодетелем.

Часть II . События наступившего века

Давид, поскольку в первой части этого интервью ты отвечал на вопросы Геннадия Батыгина, было бы естественным вспомнить и немного поговорить о нем... Тебе не кажется, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем? Я имею в виду его стремление к некоему синтезу текста и контекста, его повышенное внимание к стилю изложения. Иногда мне кажется, что лишь его погруженность в теоретико-методологическую сферу науки и, как следствие, недостаточный опыт жизненных наблюдений удерживали Геннадия от собственно писательства. Если бы он занимался не методологией, а анализом тех или иных предметных направлений социологии, он начал бы писать какую-то свою прозу.

В свете того, что я здесь сказал, это естественно. Кроме того, не надо забывать, что Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию. Может, это было и внутренним импульсом к нашему сближению.

Так случилось, что тебе выпала честь продолжить одно из последних крупных начинаний Батыгина — руководить созданным им «Социологическим журналом». Что ты скажешь по этому поводу?

То, что меня пригласили в журнал, почитаю величайшей для себя честью. Это такое доверие — слов нет.

Этот журнал — журнал Батыгина. Создан им и его журналом остается. Лучшая публикация в журнале после кончины Батыгина — указание на титуле, что журнал основан Батыгиным.

Когда вышли первые номера без Батыгина, мы, и прежде всего, конечно, Лариса Алексеевна Козлова [31] — она была и остается заместителем главного редактора, очень волновались. Реакция читателей была — и в письмах из России, и из-за рубежа,

и в телефонных звонках от людей, не всегда знакомых, — радость оттого, что журнал жив, в сочетании с некоторой долей изумления. Это окрылило, именно так. Была и другая реакция. Пошли статьи, которые авторы их робели бы послать в журнал при Батыгине. Но это вскоре после того, как были отбиты (не без затрат нервов) первые такие набег, прекратилось.

Главная задача журнала — держать планку, такой высокий уровень, который задал Батыгин. Оставаться профессиональным, высокопрофессиональным изданием. И мы видим, что именно это востребовано. Конечно, нельзя представить себе, что журнал не развивается. Но развивать должно его лучшие стороны.

Наши проблемы — не в том, каким и как делать журнал. Мы ориентируемся на задание, которое нам дал Батыгин, на профессиональное сообщество, на динамику социологической мысли, и тут более или менее все ясно (хотя ошибки не исключены). Проблемы наши — финансовые: на что издавать журнал. Да они у многих изданий, конечно же, таковы. Время щедрых грантов — а именно благодаря им журнал встал на ноги — кончилось. Помню разговоры с Батыгиным, он сетовал на людей, которые настаивали, чтобы научный журнал стал самокупаемым... Очень много сделал для журнала Национальный фонд подготовки кадров, в последнее время нам помогал Институт социологии, нас выручает Фонд «Общественное мнение», вдруг деньги могли прийти из любящего нас университета... Сейчас трудно. И все-таки мы сделаем так, чтобы журнал жил. То есть сделаем это благодаря нашему сообществу.

В твоей жизни был момент, когда, возможно я ошибаюсь, ты мог оставить социологию, не возвращаться в инженерию, но полностью перейти в журналистику и/или в писательство. Почему ты так не поступил?

На самом деле были такие «моменты», притом это были такие вспышки в сознании, что ли, моменты истины? Помню, я еще студентом был, брал для газеты интервью у человека интересной судьбы, вышел от него, был осенний вечер, и, когда заталкивал блокнот в карман плаща, — понял, что вот это и есть высшее счастье: спрашивать людей, узнавать их судьбы и писать об этом. Я чувствовал себя тогда журналистом и, наверное, действительно отчасти был им (будучи в то же время студентом-технарем), но не кажется ли тебе, что и социология — о которой в те годы не слышно было или можно было услышать только с прилагательным «буржуазная» — здесь явственно присутствовала? И метод, и проблематика... Кстати, ведь в социологии я увлекся именно тематикой В.Н. Шубкина и только в этом направлении согласен был работать, скорее, увлекся социологией именно потому, что в шубкинской тематике можно исследовать судьбы людей.

Мне по душе взгляды на человека как на социальный институт, в том смысле, что формируется такое положение вещей, когда не институт определяет, кем или чем является индивид, а он сам, — выступая, может быть, в разных ролях, близких одна другой или не очень. Может быть, преувеличение относить это к самому себе, но это, надеюсь, как-то объясняет, «оправдывает» мое поведение, то, как складывалась линия жизни.

К тому же я бы не разделял социологию, журналистику, литературу на совершенно разные отрасли, сферы деятельности или цеха. Возможно, следует говорить о том, что произросли они из одного корня, затем несколько подразделились, что естественно на этапе, когда каждая ветвь совершенствуется, даже специализировались, но — давайте прибегнем к привычной терминологии — объект и предмет у них ведь остались общие (по моему убеждению, которое, конечно, не все разделят). Теперь или позднее, когда каждая ветвь достигла определенной степени совершенства, можно бы им и объединиться. Или сблизиться. Я, по крайней мере, вполне представляю себе такой синтез.

Кстати, попытки исследовать соотношения социологии и литературы предпринимались. Это делал Владимир Канторович [32], автор книги «Социология и литература». Соединение социологии с публицистикой вообще плодотворно. При этом я подразумеваю не только и не столько использование данных социологических исследований в журналистике. Это-то самое простое. Гораздо важнее другое: соответствующий взгляд на явления жизни, интерпретация их, исходя из понимания функционирования общества, социологическое воображение.

Почему я не ушел в писательство, когда меня заставили уйти из социологии? Нет, сначала я ушел. Да у меня других вариантов и не было. Профессиональным писателем стал с ощущением, что это и есть мое призвание, я на том месте, которое мне предназначено. Но это были еще восьмидесятые, даже начало восьмидесятых. А потом ситуация изменилась и в литературе.

Не знаю, смог ли бы сейчас быть профессиональным писателем. Знаю литераторов, которые попытались перестроиться и «идти в ногу со временем», пробуя писать то, что может быть хорошо востребовано на нынешнем книжном рынке. Ничего из этого не вышло. Не собираюсь брюзжать, это вообще отдельная тема. Читаю из нового с удовольствием то, что соответствует моему вкусу, и избегаю того, что не соответствует. Как правило, это малотиражные издания; к счастью, среди издателей распространен обычай поддерживать такую литературу.

Сказывается и то, что для меня важно — в какой я компании. Подозреваю, что стал писать не только потому, что происходящее со мной и вокруг само складывалось в слова. Но и потому, что писатели, становившиеся моими кумирами, в моем воображении соответствовали моему идеалу и как личности. Позже, знакомясь с ними, я убеждался, что они в самом деле таковы. Мне повезло, я застал некоторых из своих кумиров. Я ведь стал членом Союза писателей еще совсем молодым. Вахтерша Дома литераторов кричала мне вслед, что вообще-то нельзя проходить по членскому билету родителей.

Не стану утверждать, что писать перестал. Одна готовая повесть давно лежит в рукописи, другая в черновике, рассказ написал для себя и положил в стол. Как профессиональный актер автоматически повторяет чужую мимику, тренируя свое мастерство, так и литератор, воспринимая мир вокруг себя, бессознательно набрасывает в уме, как бы он это описал. Когда, совсем уйдя в какие-нибудь полностью поглощающие меня дела, перестаю, например, переводить цвет листвы в метафоры, — мир вокруг тускнеет. Словом, пока сложилось так, как сложилось. Дальше видно будет. Несколько лет назад Анатолий Васильевич Никульков, который, будучи главным редактором журнала «Сибирские огни», сделал неслыханное — отдал четыре номера журнала под мой роман о судьбе Байкала, — написал мне, что скоро настанет время, когда надо будет осмыслить произошедшее в эти годы, и это будет время для того, чтобы именно я нечто написал. Это, конечно, более всего комплимент. Но, может быть, в нем есть и еще что-то, назовем это пожеланием старшего по отношению ко мне поколения.

А может, социология — идеальное сочетание того, что по душе технарю с литературными наклонностями. И потому, что социологу полезны и литературные навыки, и привычка пользоваться точными методами. И потому, что мне, утратившему связь с каким-либо «вещным» занятием, приятно (и необходимо) иметь в руках профессию, все же связанную с неким производством. И потому, что сейчас мне в работе нужно сочетание ремесла с искусством...

На самом деле вопрос, который ты задал, я часто задаю себе, — может, в несколько иной форме. Спрашиваю себя, правильно ли живу, в смысле — то ли делаю, для чего предназначен, для чего рожден на этот свет. Сомнения такого рода, полагаю, естественны и вызваны вовсе не какой-либо неуверенностью в своих силах и прочем.

Наоборот, спрашиваю себя строже, когда получается то, что делаю. Примерно так: это получается; а может, получалось бы и что-то еще (или — нечто другое), более трудное, более близкое к предназначению? Это, пожалуй, главное, в чем надо проверять себя. Независимо от возраста и прочего. Выбор мне дался непросто и потребовал упрямства. Помню, как случайно услышал разговор, где один из собеседников рассказал, что я ушел с ускорителя и стал тем, кем стал, а другой, уважаемый человек, коротко отреагировал: «Дурак!». А ускоритель-то ведь мне снился потом годами... Я не жалею о выборе, но проверяю себя. Недавно общался с ламой, настоящим ученым ламой из Непала, и — разве мог удержаться? — спросил его, верно ли выбрал путь в жизни. Он тщательно сверялся со своими книгами, идентифицировал меня по родинке, а потом сказал, что все я сделал правильно, это мое предназначение, потому что так могу помогать людям. Надеюсь, в его древних книгах нет ошибки.

Ты и после кандидатской продолжал заниматься образованием, т.е. не искал других областей, где можно было бы применить динамические ряды (демография, динамика общественного мнения...), но изучал образовательную систему... другими словами, ты не стал социологом-методологом, методистом, а стал социологом-предметником... Потому, верно ли я скажу, что в тебе победил «журналист, писатель, инженер человеческих душ», а не просто «инженер»?

Борис, спасибо, это как раз очень точно. С одной поправкой: дело не собственно в образовании как таковом. Не само по себе (в первую очередь) оно меня интересует. Образование тут — при всем моем пиетете по отношению к нему — выступает (далее, чувствую, у меня последует банальное, прошу извинить, и словечко «выступает», конечно же, ясный признак того) как индикатор aspirations людей и средство реализации их чаяний. Меня интересует, чего люди хотят в сфере образования, в связи с образованием, от образования, и насколько им это доступно. То есть образование как существенная часть человеческих ожиданий, как важная часть судьбы. Отсюда интерес и к сфере образования, и к неравенству, социальной мобильности и прочему с этим связанному. Когда смог вернуться в социологию, я снова стал смотреть динамические ряды по материалам Шубкина — что они показывают? И обнаружил, что самое яркое, существенное (на мой, конечно, взгляд) — видимое по этим материалам изменение ориентаций людей из разных социальных групп в образовании и шансов на реализацию их жизненных планов. Это, по существу, не про образование. Это про людей. Про перемены во всем обществе, не только в образовании, и прежде всего не в образовании. Конечно, по существу, я увидел сюжет. Из жизни. Из истории. И не мог не загореться. Оставалось написать этот роман, он с таблицами и диаграммами, называется «Динамика неравенства» [33] и условно ему присвоен жанр монографии. Через пару лет вышла еще одна книга [34]. «Процесс пошел...».

Владимир Николаевич Шубкин во многом определил твою жизнь. К сожалению, он давно и тяжело болен, так что мне не приходится надеяться на интервью с ним. Не мог бы ты немного рассказать о значении его исследований и о его человеческих качествах?

Спасибо, Борис. О Владимире Николаевиче мало написано по сравнению с тем, чего он заслуживает. Правда, у него есть хорошая автобиографическая проза, и есть публицистика, которые позволяют лучше его понять тем, кто не знает или мало знает его лично (да и тем, кто знает хорошо).

Мне трудно говорить о нем отвлеченно, со стороны. И не только потому, что он мой учитель. Мы очень давно знаем друг друга. Дружили семьями в Академгородке. Потеряли жен. Прошли вместе через всякие неурядицы в социологии, например, наша книга «Молодежь и образование» задержалась с выходом на семь лет. Хотя Шубкину доставалось, конечно, больше, ему приходилось держать удар в первую очередь.

Думаю, все мы в нашем профессиональном сообществе обязаны Шубкину, и не только работающие в тех областях, где он был особенно активен. Он, с несколькими другими известными фигурами, был пионером и выдержал первые и последующие нападки, и первые получил травмы, и первых добился достижений. Уже его кандидатская диссертация, по форме экономическая, была по существу социологичной. А уж те работы, которые последовали потом, остаются и сейчас образцами. Уступки, необходимые в известные годы, практически незаметны, он умел говорить, например, о неравенстве так точно, в деталях и доказательно, что придирки были невозможны. Это не значит, что путь его был гладок. Чего стоило ему, например, обвинение в том, что его исследование поссорит молодежь со старшим поколением; массив анкет был заперт в помещении Новосибирского университета, и Шубкин с сотрудниками переписывали каждую анкету от руки и выносили затем эти драгоценные листочки. Исследования по молодежи и образованию, которые он начал в Академгородке, положили начало банку информации, не имеющему аналогов в мировой социологии. А международные исследования? Созданная им методика была потом использована бесчисленное множество раз; шутили, что вся страна была покрыта слоем шубкинских анкет. Кстати, только Ядов попросил у Шубкина разрешения использовать его анкету, это был исключительный случай, а обычно ее просто считали общенародным достоянием. Это, конечно, некорректность, а с другой стороны – признание.

Очень велика роль Шубкина в становлении самосознания социологов. То, что он написал и вообще всячески старался внедрить в умы коллег по поводу моральной, нравственной стороны нашего труда, его роли в жизни общества и отдельных людей, – это не менее ценно, чем его отраслевые исследования. На эту характеристику профессиональной работы как-то далеко не всегда, признаемся, в нашем сообществе обращают внимание. Будто выборка, использование изоциренных методик или удача в получении хороших заказов – важнее нравственных качеств исследований (и исследователей!) или что-то в этом плане ищут. Социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке – в этом смысл предостережений и размышлений (но не морализаторства) Шубкина, прозвучавших очень своевременно и очень значимо [35]. Как публицист, он обращался не только к коллегам, но ко всем, кто мог и хотел его услышать, утверждая ценность и достоинство личности [36].

Именно в этом плане – «как наше слово отзовется» – он заботился и о том, как будут поняты и использованы результаты его работ. Когда меня просят привести примеры применения результатов социологических исследований в практике – затруднений не возникает. Шубкин инициировал принятие властями специальных мер для смягчения социальных последствий демографических процессов, связанных с окончанием Второй мировой войны, последствий, еще и усиленных реорганизацией школьного образования. Дело в том, что в середине – начале второй половины 60-х годов оканчивали среднюю школу юноши и девушки, родившиеся в первые послевоенные годы, когда солдаты вернулись с фронта и рождаемость естественным образом резко возросла; а тут еще решили сократить длительность обучения и сделать в 1966 году сдвоенный выпуск из средней школы. Шубкин обратил внимание властей на вероятные негативные последствия, и в результате Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году» [37]. Постановление было подкреплено решениями XXIII съезда КПСС, включившего «вовлечение в производство или на учебу молодежи и подростков, оканчивающих общеобразовательные школы» [38] в главные социально-политические цели пятилетки. Какова бы ни была ограниченность этой единичной меры, она дала в свое время положительные результаты. В республиках

и областях были дополнительно изысканы рабочие места, расширен прием в вузы, техникумы, ПТУ. Все это действительно дало амортизирующий эффект – позволило смягчить проблемы и для юношей и девушек, вступающих в жизнь, и для общества в целом.

Другой пример. Наше поколение помнит, как власти пытались регулировать социальный состав студентов. Здесь не место обсуждать возможности и границы контроля, целесообразность и проч. Упомяну только, что административные меры по регулированию состава зачисляемых в вузы вкуче с подготовительными отделениями изменили на некоторое время состав первокурсников, однако не привели к таким же переменам в составе оканчивающих вузы: «льготники», выпускники подготовительных отделений интенсивно отсеивались за годы учебы [39]. Кроме того, в ходе борьбы за единообразие социального состава студенчества и населения страны ухудшалось качество подготавливаемых специалистов, поскольку вузам приходилось понижать уровень требований. Дети рабочих и крестьян, к тому же, не пошли на подготовительные отделения так массово, как ожидали их организаторы [40]. Словом, этот опыт показал неэффективность такого подхода. Его результат – издержки и негативные явления. Тем более ни в коем случае не могут быть приемлемыми дискриминационные меры. Между тем в других странах соцлагеря пошли дальше. В Польше, например, были введены баллы за социальное происхождение. В результате происходили и анекдотические случаи; если, например, отец ребенка получал повышение и из рабочего становился служащим, то шансы ребенка на поступление в вуз автоматически падали. Готовились и у нас меры по жестче, чем были. И вот А.М. Румянцев дал нам задание: объясните, что шансы надо выравнять, но так, чтобы не снизить интеллектуальный потенциал. Добавил: «Напишите поубедительнее». А может, сказал – «пострашнее», как теперь мне кажется. Аргументы у нас тогда были: те самые модели, о которых я упоминал. Итак, направляемый Владимиром Николаевичем, еду в Президиум Академии... У меня хранится номерной экземпляр книжечки с грифом «Для служебного пользования», рукопись которой я, волнуясь, отдавал в руки Алексею Матвеевичу в его огромном вице-президентском кабинете. «Передам это на самый верх», – сказал он. Не стану утверждать, что благодаря этому докладу у нас не пошли дальше того, что было, а наоборот, смягчили ситуацию. В таких делах нельзя точно указать причины и следствия. Но – было сделано, что можно, при этом именно используя практические выводы из наших исследований.

Вот вкратце о В.Н. Шубкине как социологе.

О человеке. Я пишу это тебе, Борис, в день рождения Владимира Николаевича. Ему исполнилось 83 года. Он принимает поздравления.

Его жизнь могла бы стать основой для большого романа о судьбе нашей страны. К счастью, удалось издать дневники его отца, учителя-словесника [41]. В этой книге – не только картина жизни барнаульской гимназии, но, может, главное – образ русского интеллигента. Вот истоки шубкинского ума, характера, нравственных правил. В тридцатые годы – репрессии, Шубкин остается без отца и без перспектив. Все двери закрыты. Даже когда начинается война, его не берут в армию. Потом ему удается пойти на фронт. И он попадает в самые горячие точки Великой Отечественной. Тому, кто хочет понять, чем действительно была война, советую читать, что о ней написал сержант Шубкин [42]. Ранения, контузия, чудесное спасение... После войны – экономический факультет МГУ, потом – успех, международное признание. Сначала была книга о количественных методах, которая стала событием в нашей социологии [43]. «Социологические опыты» [44] сделали классикой нашей науки, за ними последовали другие книги [45]. Горжусь, что одна из них у нас общая [46].

Как определить жизнь Владимира Николаевича? Испытания – триумф –

испытания? Или: испытания несправедливостью, лишениями, болью — испытание успехом — испытание болезнью? Или еще как-то? Судьба его не щадила и не щадит. Он боролся и борется с ней. Труженик, мыслитель, учитель для очень многих. Его послания коллегам, согражданам, миру — получены. Авторитет его был и остается огромным. Мы, те, кто работает с ним давно и постоянно, знаем его как человека сердечного, заботливого, но и требовательного.

Это не биографический очерк, а самый короткий из возможных ответов на твой вопрос. В заключение скажу, может быть, главное. Он человек теплый. Особенный. Нам повезло, что он был и остается с нами.

В течение пяти лет ты был заместителем директора института. Теперь руководишь центром. Как ты воспринимаешь эту перемену, что изменилось для тебя?

К должности заместителя директора никогда не стремился. Это была идея Ядова — чтобы я стал заместителем у Л.М. Дробижевой. Меня вдруг вызвал Шубкин к себе домой, сел на стул посреди комнаты, усадил меня на другой, напротив, и сказал, что два дня сопротивлялся Ядову («Я ему сказал — Давида не отдам!»). Я сначала и понять-то не мог, о чем речь. Ну а потом Ядов убедил Шубкина. Так это произошло. Где-то полдня мы просидели один против другого, и теперь уже Шубкин убеждал меня, что это нужно. За эти годы и обретения были, и потери, баланс подводить не стану. Работа в команде в непростой ситуации — вот что это было. Очень много было волнений по поводу судьбы института, вот это, наверное, было главным... Волю моих учителей, Ядова и Шубкина, я не мог не выполнить. Надеюсь, с этим все в порядке. Вышел срок — пришло время поступить по известному образцу. В конце концов, славный пример из древности — выращивать капусту — это мудро... Понять некоторые механизмы функционирования института и академии — вот это было полезно. Я вспоминал (опять-таки не сравниваю себя с ним!) Худенко, который, поднявшись по министерской лестнице, сказал себе: «Теперь я знаю, как это все работает», — пошел и попросил дать ему колхоз.

Разорваться между административными обязанностями и работой по проектам — невозможно, то или другое страдает. Или это я такой, у человека другого склада этой проблемы нет? Возможно. В общем, тут опять надо было делать выбор. За год или около того до конца срока директорства Леокадии Михайловны я сказал о своих планах. Так что ответ на твой вопрос: чувствую я себя теперь гораздо лучше. Могу погружаться в проекты и не ждать телефонного звонка с недоуменными вопросами, чем это я занимаюсь, почему меня нет на дирекции и т.п. Теперь у меня — ощущение свободы. Конечно, относительной. В шутку или всерьез, можно сказать, что я воспользовался реорганизацией в личных целях.

А новой дирекции нужно пожелать много всякого разного... Времена предстоят нелегкие. Вот то, что структура института стала более четкой, в ней прорисованы более крупные направления, — это, на мой взгляд, очень верный шаг. Как в предыдущие годы, нужно было для сохранения института работать по многим отдельным направлениям, так теперь требуется кооперация. Это необходимо, чтобы институт был конкурентоспособным. Это у меня не заявление о лояльности, я старался убеждать в этом, когда был заместителем директора, говорил и М.К. Горшкову, когда он пришел в институт. Осталось «немного»: чтобы структура заработала, сотрудничество подразделений стало реальным. Наш Центр социологии образования, науки и культуры включает людей высокой социологической квалификации и в то же время вполне толерантных, и нам сотрудничество, надеюсь, удастся.

Прекрасно, ты уже давно занимаешься образованием. Не мог бы ты сказать, чем новая российская система образования лучше советской, в чем она ей уступает? Каковы перспективы в этой сфере жизни?

Борис, как говорится — спасибо за вопрос, но ответить на него даже пространной

тирадой в интервью — невозможно. И еще: я как раз против оценок, основанных на «больше-меньше», «лучше-хуже». Как нет «молодежи» или «населения», их нельзя рассматривать «в целом», можно только дифференцированно, скажем, по группам, хотя и это — приближение, огрубление, так нет и «образования» вообще. Российское образование сейчас представляет собой сферу очень разнообразную и потому сложную. Одномерный подход тут был бы неправильным. Потому и отказались мы, мои коллеги и я, от одномерных оценок в проекте по доступности качественного образования, и настаиваем на этом. Я не уклоняюсь от ответа. Но я изучаю образование, следовательно, я не знаю о нем достаточно, если бы знал — зачем изучать? А раз не знаю... Конечно, нынешнее наше образование в чем-то лучше стало, в чем-то хуже. С доступностью, я много об этом писал, показывал на цифрах, — стало значительно хуже. Но от легковесных суждений про образование хотел бы предостеречь. Не надо забывать, что это источник, из которого не наливают всем поровну. Так было и, наверное, будет всегда. И каждый здесь берет, сколько захочет и сможет. Один из тоненькой струйки много выпьет, а другой из реки сделает маленький глоток. Что же касается прежнего нашего образования, — у меня обиды на него нет. Учителей своих вспоминаю с благодарностью. Историка нашего Анатолия Ивановича Александрова, именем его теперь названа наша школа. Уж на что это идеологизированный предмет! Только потом понял, как много он нам давал, притом как бы невзначай, а ведь это дорого могло ему обойтись. А Евгения Сергеевна Рудольская, классный руководитель, русский язык и литература? Ей стольким обязан. Недавно праздновали ее юбилей. Она так же энергична, недавно только перестала аккомпанировать себе на лекциях. Но любую аудиторию покоряет по-прежнему... Звонила мне, когда обиделась на юную журналистку, которая брала у нее интервью по поводу юбилея. Девушка сказала: «Вы такая знаменитая, а как живете, телевизор у вас допотопный, и вообще...».

Давид, с тех пор, как ты отвечал на вопросы Геннадия Батыгина, прошло пять лет. Какие исследования тебе за это время удалось провести? Что опубликовать?

Все это продолжение, а хотелось бы думать, развитие, того же — про замыслы людей относительно своей жизни и их реальные судьбы. Были проекты и вслед за ними книги про работающих студентов, социально-гуманитарное образование, непрерывное, доступность школьного и высшего образования... Не только тематика расширяется, но и появляются новые подходы, методики. Новые проекты — объемные, одному не под силу. К счастью, прежние коллеги рядом, а что особенно важно, есть новые, молодые, замечательно образованные, трудоголики, чрезвычайно креативные. То, что я встретил их и мы стали работать вместе, — большая удача. К счастью, мы востребованы, работы много. Надеюсь, это не только потому, что популярна тематика, но и благодаря нашей репутации, а она — результат нашего труда. Результатами проекта по доступности качественного общего образования мы гордимся. Хотя поначалу проходил он трудно. Сама задача была трудная, и убеждать других было нелегко. Это обычное дело: сначала идея всем кажется странной, а в конце концов все начинают считать ее своей. Ну да это хорошо, пускай... Надо думать, что дальше. Вот что очень хотелось бы сделать в будущем, так это написать о людях, которым обязан. Я очень обязан людям, которые меня, назовем это правильно, взрастили. И хотел бы хоть самым кратким образом поблагодарить их. Нужно ли это им? Теперь, когда многих из них нет? А когда были — чувствовали они мою благодарность? Умел ли я ее выразить? Не был ли невнимателен, осознавал ли их значимость, не считал ли, что то, чем они были для меня, — просто в порядке вещей?.. И, конечно, надеюсь продолжать заниматься образованием. Потому что оно и в жизни всего мира, и в жизни каждого человека — как та точка опоры, о которой, по легенде, говорил Архимед.

Примечания:

1. Герш Ицкович Будкер (1918–1977), академик АН СССР.
2. Алексей Александрович Наумов (1916–1985), член-корреспондент АН СССР.
3. Анатолий Алексеевич Логунов (р. 1926), Москва, академик РАН СССР.
4. Александр Владимирович Блещунов (1914–1991), крупный строитель, выдающийся альпинист, известный коллекционер.
5. Владимир Николаевич Шубкин (р. 1923), д.ф.н., главный научный сотрудник Института социологии РАН.
6. Игорь Андреевич Полетаев (1915–1983), один из пионеров развития кибернетики в СССР.
7. Александр Альфредович Бек (1902–1972).
8. Владимир Германович Лидин (1894–1979).
9. Сергей Павлович Залыгин (1913–2000).
10. Сергей Петрович Антонов (1915–1995).
11. Абел Гезевич Аганбегян (р. 1932), академик РАН.
12. Алексей Павлович Окладников (1908–1981), академик АН СССР.
13. Владимир Александрович Ядов (р. 1929), д.ф.н. заведующий отделом Института социологии РАН.
14. Геннадий Александрович Слесарев (р. 1931), к.ф.н., в то время работал в Институте социологических исследований АН СССР, Москва.
15. Валентин Георгиевич Подмарков (1929–1979).
16. Владимир Эммануилович Шляпентох (р. 1926), д.э.н., в настоящее время – профессор Мичиганского университета, США.
17. Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993), академик РАН.
18. Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Личные планы и их реализация // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 32–42.
19. Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.
20. Константиновский Д.Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. Новосибирск: Наука, 1977.
21. Костюк В.Г., Траскунова М.М., Константиновский Д.Л. Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука, СО, 1980.
22. Леонид Васильевич Решетников (1920–1990).
23. Ею переведены, например: Бадентэр Э., Бадентэр Р. Кондорсе: ученый в политике. М.: Ладомир, 2001; Дали С. Дневник одного гения. М.: Эксмо-Пресс, 2006 и др.
24. Боровой Константин Натанович (р. 1948), предприниматель, политик.
25. Алексис Берелович, доктор, профессор, Высшая школа социальных наук (EHESS, Париж), Франко-российский центр гуманитарных и социальных наук (Москва).
26. Владимир Берелович, доктор, профессор истории (Женевский университет), директор по науке Высшей школы социальных исследований (EHESS, Париж), директор Центра изучения русского, советского и постсоветского общества (EHESS).

27. Ecole Normale Superieure .
28. Кристиан Бодло (Baudelot C.) , известный французский социолог.
29. Baudelot C. and Establet R. Le Niveau Monte: Réfutation d'Une Vieille Idée Concernant la Prétendue Décadence de Nos Écoles. Paris: Seuil, 1989.
30. Даниэль Берто (Daniel Berthoux), профессор, руководитель Центра по социальной мобильности Дома наук о человеке в Париже.
31. Лариса Алексеевна Козлова, к.ф.н., зав. сектором социологии науки Института социологии РАН, зам. главного редактора «Социологического журнала».
32. Владимир Яковлевич Канторович (1901–1977).
33. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе. Ориентации и пути в сфере образования. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
34. Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов: планы и их реализация. М.: ЦСО РАН, 2000.
35. Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2.
36. Публицистика В.Н. Шубкина собрана в его книге «Насилие и свобода» (М., изд-во «На Воробьевых», 1996).
37. Собрание постановлений Правительства СССР. 1966. № 3.
38. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 229.
39. Аитов Н.А., Филиппов Ф.Р. Управление развитием социальной структуры советского общества. М.: Наука, 1988. С. 94.
40. Герчикова В.В. Современное высшее образование: функции, реализация, перспективы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. С. 76–81.
41. Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.
42. Шубкин В.Н. Пашкин подарок: Повести. Предисловие В.А. Ядова «Вторая жизнь Владимира Шубкина». М.: ИС РАН, 1999.
43. Количественные методы в социологии / Ред. А.Г. Аганбегян, Г.В. Осипов, В.Н. Шубкин. М.: Наука, 1966.
44. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
45. Шубкин В.Н. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М.: Молодая гвардия, 1979; Шубкин В.Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М.: Наука, 1984; Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства), М.: Мысль, 1985; Шубкин В.Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (По материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. Серия «Научные доклады», № 96. М.: Московский общественный научный фонд; Институт социологии РАН; Университет штата Мичиган, 1999 и др.
46. См. 19.